

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. А. ШАХМАТОВА С Ф. Ф. ФОРТУНАТОВЫМ

Среди научного наследства А. А. Шахматова особое место занимает его обширная переписка. А. А. Шахматов был не только выдающимся ученым России, к голосу которого прислушивались слависты всей Европы, но и превосходным организатором науки, чутко и заботливо относящимся к нуждам и запросам научных работников.

В Академии наук А. А. Шахматов развернул интенсивную организационную деятельность. По его инициативе Отделение русского языка и словесности начало издавать целую серию научных публикаций: «Известия ОРЯС» (4 тома в год), «Сборник ОРЯС» (непериодический орган, выпускавшийся объемистыми томами, по нескольку в год), «Исследования по русскому языку», «Памятники старославянского языка», «Памятники древнерусской литературы», серия изданий по диалектологии и др. К А. А. Шахматову как к признанному авторитету в области русского и славянского языкознания часто обращались по различным вопросам науки многие русские и славянские ученые. А. А. Шахматов вообще пользовался огромной популярностью в стране, к нему обращались со всевозможными просьбами люди разных специальностей и социального положения.

Поэтому не удивительно, что переписка А. А. Шахматова включает до 17 тысяч писем от 1835 различных корреспондентов¹. Сердцевинной всей огромной переписки А. А. Шахматова является его переписка с Ф. Ф. Фортунатовым и Ф. Е. Коршем — его учителями, единомышленниками и друзьями.

С Фортунатовым Шахматов познакомился в 1879 г., будучи еще учеником 5 класса гимназии. По программе, составленной Фортунатовым, он тогда стал заниматься сравнительным изучением греческой фонетики, старославянским, санскритским и латинским языками. Он стал посещать лингвистический семинар Фортунатова в университете. В 1883 г. Шахматов после окончания гимназии поступает в Московский университет и делается преданным и ревностным учеником Фортунатова. Вспомнивая первое свое знакомство с Фортунатовым, Шахматов в своей «Автобиографии» пишет: «Ф. Ф. Фортунатов отнесся к Шахматову с отеческою заботою и принял его всецело под свое руководство»².

Со вторым своим учителем, Ф. Е. Коршем, оказавшим большое влияние на развитие научных взглядов Шахматова, он познакомился годом позже, в 1880 г.

С тех пор до самой смерти Ф. Ф. Фортунатова (1914 г.) и Ф. Е. Корша (1915 г.) Шахматов поддерживал с ними тесные дружеские отношения.

Переписка Шахматова с своими учителями и соратниками продолжалась около тридцати лет. Об интенсивности этой переписки можно судить по тому, что одних только писем Шахматова к Фортунатову сохранилось около 250.

Переписка трех выдающихся русских языковедов, оригинальных и самостоятельных исследователей, представляет большой интерес для истории языкознания в России в конце прошлого и в первом десятилетии нашего столетия. Основная часть переписки А. А. Шахматова с Ф. Ф. Фортунатовым и Ф. Е. Коршем, в количестве около 600 писем, охватывающих хронологические рамки с 1885 по 1913 г., подготовлена к печати сотрудниками Архива АН СССР.

Ниже публикуются с краткими подстрочными комментариями некоторые письма из переписки А. А. Шахматова с Ф. Ф. Фортунатовым. Отдельные места чисто бытового характера в письмах опускаются.

С. Г. Бархударов

¹ См. С. А. Еремич, Бумаги акад. А. А. Шахматова, «Изв. по русск. яз. и словесн.», т. II, кн. 2, 1929, стр. 683.

² А. А. Шахматов, Автобиография, сб. «Алексей Александрович Шахматов. 1864—1920», Л., 1930, стр. 5.

А. А. Шахматов — Ф. Ф. Фортунатову

25 июля 1889. Губаревка.

Многоуважаемый Филипп Федорович!

Очень о Вас соскучился, и не от кого узнать что-нибудь о Вас, как Вы поживаете и что поделываете. Вот уже два месяца как я Вас не вижу, и ни одного известия о Вас.

Последние дни я был занят дополнениями к грамматике Лескина по Остромирову евангелию, которые мы с Щепкиным задумали поместить как приложение к нашему переводу¹. Обо многом хотелось бы при этом поговорить, тем более, что уверен, что кое в чем мы со Щепкиным разойдемся. Особенно интересным является вопрос об **ѣ** = **я**, на который Лескин обратил слишком мало внимания. Не надеюсь получить ответа на мое письмо, но прошу Вас высказать Щепкину, если он к Вам обратится, свое мнение насчет появления **ѣ** вместо **ч** в кирилловских и глаголических памятниках. Я именно предположил в своих дополнениях, отосланных уже Щепкину, что **ѣ** в кирилловских рукописях обозначает *a*, смягчающее предшествующую согласную в противоположность **я**, которое = *ja*. Смягчающее согласную *a* в старославянском языке существовало, напр., в положении за **ж**, **ч**, **ш**, **шт**, (**щ**), **жд**, **ц**, **с** (в слове **вьсь**), поэтому при обыкновенном написании **жа**, **ча**, **ша** и т. д. мы найдем **жѣ**, **чѣ**, **шѣ** и т. д. (но не **жи**, **чи**, **ши**); точно так же **вьсьѣ** следует читать *вьs'akъ* (ср. русское *всякъ*); далее такое *a*, смягчающее предшествующую согласную, являлось в образованиях с суффиксом *-janinъ*; слова *seljaninъ*, *mirjaninъ* и т. д. вызывали с одной стороны **егѣ-пырѣанинѣ**, **моавѣрѣанинѣ**, *rimljaninъ* (пишется **римѣанинѣ**), *samarjaninъ* (пишется **самарѣанинѣ**), с другой *egipt'aninъ*, *rum'aninъ*, *samar'aninъ* и т. д. (**егѣ-птѣанинѣ**, **румѣанинѣ**, **самарѣанинѣ**); такое же *a* является в родительном **господѣ** Зографского евангелия и в единичных словах, как *tr'ava*, *podr'azati* (**трѣва**, **подрѣжати**) при **трава**, **подражати** (ср. русск.

¹ А. Лескин, Грамматика старославянского языка. Перевод с немецкого с дополнением по языку Остромирова евангелия, М., 1890. В предисловии, написанном А. А. Шахматовым, сказано: «Согласно своему взгляду проф. Лескин строит старославянскую грамматику на памятниках так называемой „паннонской“ редакции, язык которых совершенно или почти не тронут вторжением новых славянских наречий; Остромирово Евангелие, древнейший датированный памятник старославянского языка, в противоположность первому изданью книги Лескина, совершенно не принимается в соображение, как памятник русской письменности, не представляющий старославянского языка в его чистом виде. Взгляд этот во всяком случае представляет крайность: писец Остромирова Евангелия очень строго придерживался своего подлинника, и внесенные им руссизмы в большинстве случаев легко узнать и выделить; между тем введение Остромирова Евангелия в круг исследования значительно обогащает наши сведения по диалектологии старославянского языка: из-под русской редакции памятника выступает особый тип самого старославянского языка, во многом отличный от говоров „паннонских“, но не уступающий им по древности и чистоте; существование такого особого типа подтверждается также и другими, менее значительными и менее древними памятниками (отчасти и самими „паннонскими“), а Остромирово Евангелие является его древнейшим и наиболее полным представителем. Ввиду этого переводчики взяли на себя труд дополнить грамматику Лескина фактами языка Остромирова Евангелия; в этом дополнении обзор русских особенностей, а также фонетики и склонения Остромирова Евангелия принадлежит А. А. Шахматову, обзор спряжения — В. Н. Щепкину».

граница при граница). Если в кирилловском памятнике — *израильтѣнинъ*, *всѣакъ*, *трѣва* = *izraibl'aniŋo*, *v'si'akъ*, *tr'ava*, а *коны*, *цесары*, *покланяти* = *konja*, *cesarja*, *poklanjati*, то единичные случаи, как *конѣ*, *господнѣ* (*гнѣ* именит. ед. ж. р. в Остромировом евангелии), мы должны читать *kon'ia*, *gospod'n'ia* и может быть сравнивать чередование *konja* и *kon'ia* с чередованием *konjъ* (*конь*) и *конь* (*конь*), *konji* (*кони*) и *koni* (*кони*), которое находим и в кирилловских и глаголических рукописях. Следовательно, появление *ѣ* вместо *ы* после согласных *р*, *л*, *н* в кирилловских памятниках (а в другом положении *ѣ* вместо *ы* мы здесь и не находим) было бы тождественно с утратой юта за *р*, *л*, *н*. Частое появление в Остромировом евангелии случаев, как *раздѣлѣжце*, *сѣмѣрѣанса*, *срамѣжса* и т. д., может быть обусловлено тем, что *j* в слоге за *rja*, *lja*, *nja* влиял на переход этих сочетаний в *r'a*, *l'a*, *n'a*; точно так же появление *r'a*, *l'a*, *n'a* вместо *rja* и т. д. в случаях, как *бланѣанеса*, *молѣахъ*, *въивѣаго*, вызвано может быть влиянием следующего звука ¹.

Очень жалею, что не имею под руками отпечатанных листов Ваших лекций ², где, вероятно, Вы уже говорите об относящихся сюда явлениях. На днях переищу статью об ударениях Смирнову ³ и примусь за приготовление к экзамену Стороженки ⁴. [...]

Ваш А. Шахматов

2

А. А. Шахматов — Ф. Ф. Фортунатову

18 сентября 1892. Губаревка.

Многоуважаемый Филипп Федорович!

Теперь много очень работы по участку и присутствию земского начальника на месте необходимо ⁵.

¹ Поднятый в письме вопрос об *ѣ* = *ы* изложен Шахматовым на стр. 162—164, а также на стр. 169 указанного перевода грамматики Лескина.

² «Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка» Ф. Ф. Фортунатова печатались в Московской университетской типографии в 1888—1893 гг. Было отпечатано 16 листов; издание как неоконченное позже уничтожено типографией. Лекции опубликованы Отделением русского языка и словесности Академии наук в 1919 г. С этого издания лекции переизданы во 2-м томе «Избранных трудов» Ф. Ф. Фортунатова (М., 1957).

³ Статья Шахматова «К истории сербо-хорватских ударений» для журнала «Русский филологический вестник», редактором которого был А. И. Смирнов. Статья напечатана: в т. XIX, № 2, 1888, стр. 157—227; в т. XX, № 3—4 («Поправки»), 1888, стр. 321—322; в т. XXIII, № 2, 1890, стр. 171—218 и в т. XXIV, № 3, 1890, стр. 1—28.

⁴ Шахматов сдал последний магистерский экзамен по всеобщей литературе у проф. И. П. Стороженко (на заседании историко-филологического факультета Московского университета 24 января 1890 г.).

⁵ В своей автобиографии (указ. соч., стр. 6) А. А. Шахматов пишет: «Осенью 1890 г. начал, в качестве приват-доцента Московского университета, читать курс истории русского языка, приняв вместе с тем на себя уроки латинского языка в VII гимназии, по предложению директора ее, покойного К. К. Войнаховского. Но в конце 1890 г., в связи с некоторыми душевными переживаниями, решил оставить Москву и взять место земского начальника Саратовской губ., где эта должность предназначалась ко введению с 1 июля 1891 г. С увлечением Шахматов стал изучать крестьянский быт и формы крестьянского землевладения. 1891 год оказался неурожайным, и для пострадавшего населения потребовалась продовольственная помощь. В 1892 г. Саратовскую губ. посетила холера, и там начались холерные беспорядки».

Письмо Ваше получил, и оно меня очень обрадовало. Мне очень тяжело живется в разлуке с Вами и постоянно тянет в Москву, в особенности же теперь, как я стал заниматься. Приехать в настоящее время не могу, но почти уверен, что мне удастся быть в Москве в декабре, на праздники. [...] Для меня было новостью известие о том, что Миллер читает русскую литературу, и недоумеваю, что же сделалось с М. Соколовым¹. Грустно подумать, что русский язык опять не читается в университете, и неужели это долго протянется.

Диссертация моя выходит очень обширной²: так много всяких вопросов связано с судьбой звуков *o* и *e* в русском языке и так много материала для суждения обо всем этом, что не могу теперь сказать и того, что диссертация набросана в общих чертах. Между загадочными вопросами стоит судьба конечного открытого *e*: думаю теперь, что *e* в таком положении переходило в *я* в наречиях русского языка только за двумя мягкими согласными и в связи именно с тем обстоятельством, что ему предшествовала группа мягких согласных: таковы группы *tj*, *dj*, *lj* и т. д. из *-táj*, *-doj*, *-loj* (напр. в *листья*, *колья*), таковы же *sím*, *sít* в *есмя* и *естя*. Но *я* в *меня*, *тебя* не могу объяснить фонетически и склоняюсь к мысли о влиянии форм *мя*, *тя*, причем отношение *меня* вместо *мене* к *мя* такое же, как, например, отношение диалект. великор., малор., белор. вин. ед. *ею* вместо *ее* к *ю*. Если объяснить *меня* из *мене*, как явление фонетическое, непонятным останется южновеликор. *мене*, *тебе*, с одной стороны, северновеликор. формы, как *спитѣ*, *дабитѣ*, с другой.

Как я рад тому, что Корш возвращается в Москву: передайте ему пожалуйста, что мне очень грустно, что он меня совсем забыл.

О диссертации Будде³ могу сказать то же, что Вы, но читал я ее (т. е. начало) с большим интересом, так как в ней сообщается очень много ценных данных и все-таки дается полное описание местного говора. Конечно, исследования нет, а где есть к тому попытки, то неудачные, но все же статья Будде является, думаю, очень ценным вкладом в нашу науку. Очень боюсь, лишь только вопрос идет о местном говоре: в сказках Афанасьева⁴ нашел образцы говора Тамбовской губернии, который, на мой взгляд, является древнейшим типом южновеликорусского говора в отношении судьбы неударяемых *e*: здесь *e* неударяемое перед твердым слогом = *я* (из *e*), а перед мягким = *и*. Хотелось бы знать что-нибудь побольше об этом говоре и неоткуда взять. Статьи Соболевского о русских диалектах в «Живой Старине» еще не читал⁵.

[...] Постоянно занят теперь мыслию о свидании с Вами и, надеюсь, с Федором Евгеньевичем.

С совершенным уважением остаюсь

Ваш А. Шахматов.

¹ В. Ф. Миллер, занимавший кафедру санскрита и сравнительного языкознания, в 1892 г. перешел на кафедру русского языка, оставив за собой и преподавание санскрита. В этом году он получил степень доктора русского языка и словесности honoris causa. Занимавший кафедру русского языка и словесности с 1889 г. М. И. Соколов специализировался по истории славянских литератур. Русский язык продолжал читать Р. Ф. Брандт. Такое распределение было сделано с целью предупредить предполагавшееся назначение в Московский университет А. С. Будиловича.

² Шахматов начал работать над диссертацией «Исследования в области русской фонетики» в конце 1891 г. В конце 1892 г. он послал в редакцию «Русского филологического вестника» вводную часть (первые четыре главы) диссертации. Вся диссертация была напечатана в РФВ в 1893 г. (т. XXIX, № 1—2; т. XXX, № 4) и в 1894 г. (т. XXXI, № 1—2).

³ Е. Ф. Будде, К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. [Магист. диссерт.], Варшава, 1892.

⁴ А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, М., 1855—1863.

⁵ А. И. Соболевский, Очерк русской диалектологии. «Живая старина», 1892, вып. 1—4.

Ф. Ф. Фортунатов — А. А. Шахматову

12 декабря 1892. Москва.

Дорогой Алексей Александрович!

Я уже несколько дней тому назад решил, что буду писать к Вам сегодня вечером, и именно сегодня я получил Ваше письмо. Как Вам не стыдно думать, будто я забываю Вас! Редкий день проходит без того, чтобы я не вспомнил Вас и не чувствовал бы потребности обменяться с Вами теми, то другими мыслями. Что же касается того, что я до сих пор не отвечал Вам, то помимо моей лениности (Вы обещали мне быть к ней очень снисходительным) было еще одно обстоятельство, по которому я все оттягивал мой ответ. [...] Вы просили меня в предпоследнем Вашем письме прислать Вам отпечатанные листы моей славянской фонетики, но до осени этого года я не возобновлял прерванного печатания моих лекций и только в октябре (еще до получения Вашего письма) сдал в типографию часть рукописи на несколько печатных листов. До сих пор, однако, ни один лист еще не отпечатан начисто (тут уж не я виноват). Посылаю Вам пока один лист в предпоследней корректуре; другой лист давно уже набран, но я еще не получал его сверстаным. Вы удивляетесь, конечно, тому, что так медленно идет печатание моих лекций; я и сам готов удивляться этому, хотя наученный опытом я и в будущем предвижу то же и решительно отказываюсь определить, когда, наконец, будут окончены эти лекции, не только в печати, но и в рукописи. В течение зимы я, может быть, слишком много времени отдаю занятиям текущими лекциями, а летом я не способен усидчиво заниматься. Кроме того, у меня, кажется, развивается привычка работать все медленнее и медленнее. Порою я мечтаю о том, как хорошо было бы, если б мне удалось получить командировку зимою на несколько месяцев, и при том командировку в Москву же (не в Москве я бы уж совсем ничего не сделал), но привести эти мечты в исполнение нет, конечно, возможности, так как в университете у меня нет ни одного товарища в деле преподавания. Положение, в каком находится у нас теперь лингвистическое изучение языка, ужасное; прежде всего в этом виноват новый устав¹, а, кроме того, виноваты и профессора. У нас очень много профессоров-классиков (с этого года мы приобрели еще Шеффера и Соболевского²), а между тем не только вовсе не читаются курсы по грамматике древних языков, но даже и Гомер давно забыт. Мне страшно досадно то, что Федор Евгеньевич в числе обязательных часов лекций имеет практические занятия по латинскому языку, т. е. занимается со студентами переводом басен Крылова. Существуют у нас, правда, лингвистические курсы Брандта, но мне-то от них помощи нет, а вред пожалуй и есть; кстати, видели ли Вы недавно напечатанные Брандтом Лекции по русскому языку³? При таком положении дела я не мог бы решиться взять отпуск хотя бы и на один месяц, тем более что, несмотря на крайне неблагоприятные условия,

¹ Имеется в виду реакционный университетский устав 1884 г., принятый при министре просвещения И. Д. Делянове. Новый устав значительно снизил научный уровень университетского преподавания.

² Сергей Иванович Соболевский, ныне член-корр. АН СССР.

³ Р. Ф. Брандт, Лекции по исторической грамматике русского языка, вып. I — Фонетика, М., 1892.

и даже к моему величайшему удивлению, у меня все-таки и в этом году есть слушатели на необязательном курсе, именно на курсе готского языка; имейте в виду то, что эти студенты (третьего, второго и первого курсов) не имели еще возможности познакомиться с общим курсом фонетики, так как по нашему новому учебному плану я должен читать сравнительную фонетику и морфологию только на четвертом курсе (на первом—общее введение).

Так вот в каком печальном положении мы находимся. Когда же Вы-то, наконец, приедете к нам?

Очень и очень рад я тому, что Вы начинаете печатать Вашу диссертацию, а нехорошо только то, что Вы не хотите приехать в Москву на праздниках. [...]

Федор Евгеньевич часто бывает у меня по четвергам; он чувствует себя, кажется, хорошо, хотя несколько утомляется, так как у него 14 часов лекций и уроков (в университете, в Лазаревском институте и у Фишер)¹. Вероятно, Вы скоро получите от него письмо; по крайней мере, он говорил, что собирается писать к Вам.

[...] Диспут Будде будет в январе; он был отложен потому, что Миллер (второй оппонент, а первый — Брандт) не находил пока времени для изучения диссертации Будде. Будде просится теперь в Варшаву; Лавров, хотя и получил уже назначение в Варшаву, отказывается, однако, так как кафедра Будиловича для него не подходящая². [...]

4

Ф. Ф. Фортунатов — А. А. Шахматову

21 декабря 1893. Москва.

Дорогой Алексей Александрович!

Напрасно Вы не подали до сих пор прошения о диспуте; теперь ближайшее заседание факультета будет во второй половине января, так что Ваш диспут может состояться не ранее февраля³. Я хорошо понимаю то, что Вы утратили всякую способность судить о Вашей книге; я сам находился в таком же положении относительно своей диссертации и даже слишком долго, так как в течение многих лет я не имел мужества прочесть из нее несколько страниц. Таким образом на основании собственного опыта я советую Вам не заглядывать пока в Вашу книгу и по возможности меньше думать об ней. Сам я нахожу в Вашей диссертации и массу фактов и постоянную работу мысли; читать ее не легко по тому самому, что ее надо изучать, но диссертация такую и должна быть. Вы ставите и решаете ряд совершенно новых вопросов; надо думать поэтому, что тут или там Вы

¹ Вернувшись из Одессы, Ф. Е. Корш продолжал преподавание в Московском университете по кафедре классической филологии. С 1892 г. он начал также преподавать персидскую словесность в Лазаревском институте восточных языков. В частной классической женской гимназии С. Н. Фишер Корш преподавал латинский и греческий языки.

² А. С. Будилович, занимавший в Варшавском университете кафедру старославянского и русского языков, в сентябре 1892 г. был назначен ректором Юрьевского университета.

³ Защита состоялась 12 марта 1894 г. Официальными оппонентами были Ф. Ф. Фортунатов и Р. Ф. Брандт. Факультет присудил Шахматову, минуя магистерскую степень, степень доктора русского языка и словесности.

ошибаетесь, но даже и в этих случаях читатель, интересующийся вопросом, не может не быть благодарен Вам за то, что он узнает от Вас. Я нахожу совершенно излишним останавливаться теперь на разборе тех или других Ваших выводов; общее мое мнение то, что Ваша книга представляет собою вполне научное исследование по фонетике русского языка и что таких исследований, по крайней мере по специальному вопросу, у нас до сих пор не было. Если бы Вы начали печатать Ваше сочинение уже после того, как оно было бы Вами все написано, Вы, может быть, в некоторых отделах облегчили бы работу читателя, но это пункт второстепенный, не касающийся достоинств Вашей книги как диссертации. Ваши заключительные слова я нахожу лишними; при чтении их невольно является улыбка, и я уже подметил ее у некоторых лиц¹. Итак, не откладывайте, пожалуйста, дела с диспутом. Мнение Федора Евгеньевича, я уверен, в общем сходится с моим; когда я его видел в последний раз, он еще не читал всей Вашей книги (с частью ее он прежде уже познакомился из «Филологического Вестника»), но и тогда он находил ее «очень интересною». Сегодня я получил письмо от Смирнова; он пишет, что переслал в московский магазин Карбасникова 250 экземпляров Вашей книги. Как добывать теперь те экземпляры, которые нужны будут для факультета? Едва ли это можно сделать раньше Вашего приезда. Я мечтал было о том, что увижу Вас 2-го января, но теперь не смею надеяться на это. Во всяком случае, однако, Вы бы сделали очень хорошо, если бы приехали сюда заблаговременно, а не к самому диспуту. Недавно швед Торбьернсон (он был в Москве два года тому назад) прислал мне несколько экземпляров своей диссертации на шведском языке: *Likvida-Metates i de slaviska Språken*²; один экземпляр для Вас, с надписью автора, но я думаю нет надобности посылать Вам теперь эту брошюрку (22 страницы), так как нового для себя и интересного Вы в ней немного найдете (автор пользовался, между прочим, Вашими литографированными лекциями)³. [...]

На днях я думал об общеславянском окончании форм 2-го л. ед. ч. настоящ. врем. в тематическом спряжении. Я возвращаюсь к моему старому мнению о том, что общеславянский язык имел здесь только *-i*, причем *i* я определяю как краткое (без ударения) из *i* со старою длительною долготой; индоевропейский суффикс *-s* в тематическом спряжении не был получен еще, по-видимому, литовско-славянским языком. Но об этом, как и обо многом другом, поговорим при свидании. [...]

¹ Фортунатов имеет в виду следующий заключительный абзац «Исследования»: «В заключение этого исследования я предполагал поместить две главы, в которых должны были быть описаны современные живые говоры по отношению к звуковой стороне их, связанной с судьбою звуков *o* и *e*. Но в настоящее время недостаток материала не позволяет мне привести мое предположение в исполнение. Читатель заметил, как мало я знаком с живыми русскими говорами, уже из предшествующих страниц; не решаюсь поэтому выступить в конце исследования с случайным и ненадежным материалом, имеющимся у меня под руками. Скажу больше, я знаю, что выпускаю в свет сочинение недостаточно продуманное и обработанное. Все, что уже сделано по изучению русского языка, все, что уже напечатано относительно живых его говоров, могло бы в значительной степени осветить ряд вопросов, оставшихся у меня не выясненными».

² По поводу этой диссертации Фортунатов написал Торбьернсону письмо от 21 ноября 1894 г. Письмо это Торбьернсон опубликовал в журнале «Slavia» (гобл. II, seš. 4, 1924, стр. 296—302). Фортунатов в нем излагает свою точку зрения на историю группы *ort, toll, tert, tell* и начальных *ort, olt* в славянских языках.

³ Имеется в виду книга: А. Ш а х м а т о в, Русский язык. Лекции, читанные в Московском университете в 1890—1891 гг., литограф. изд., 1891.

Ф. Ф. Fortunatov — А. А. Шахматову

26 марта 1894. Москва.

Дорогой Алексей Александрович! Вчера получил я Ваше письмо и, как видите, сейчас же отвечаю. Вы только что уехали от нас, а у меня есть уже просьба к Вам, и я хотел бы надеяться, что этот раз Вы не откажете мне. Дело вот в чем. Вчера я получил письмо от Ягича, который пишет, между прочим, следующее: «У меня не (sic) первого м. б. родилась мысль, но она нашла отклик и в Питере: нам хотелось бы привлечь Шахматова к Академии, где он был бы, надеюсь, очень достойный представитель русской грамматической науки. Спросите его, поговорите с ним, внушите ему эту мысль, если Вы одобряете ее. Сначала он был избран в адъюнкты и положение его было бы очень удобное: он мог бы жить для науки. Прошу не давать этому запросу гласности, а оставить его между нами, т. е. узнать расположение Шахматова и, если он согласится, пусть напишет мне или сам, или через Вас». До сих пор Ягич, теперь буду говорить я. Убедительнейшим образом прошу Вас не отказываться от этого предложения: в настоящее время это самое лучшее, что можно было бы придумать, и я лично чрезвычайно благодарен Ягичу за его предложение. Не предвижу даже, какие существенные возражения могли бы Вы сделать по поводу этого предложения. Правда, что я, частью в эгоистических видах, очень желал бы видеть Вас профессором в Московском университете, но, как Вы знаете, в настоящую минуту такое мое желание не может быть исполнено до перемены некоторых обстоятельств, а между тем впоследствии, когда изменятся эти обстоятельства, ничто не помешало бы Вам, если бы Вы желали этого, перейти к нам из Петербурга, причем Вы сохранили бы и звание члена Академии. Так, пожалуйста, Алексей Александрович, не огорчите меня отказом!¹

В последней книжке «Архива» Ягич поместил небольшую (предварительную) заметку о Вашей книге (впрочем, почти на трех страницах)²; его общее мнение, которое он повторяет и в письме ко мне, что Ваш «труд написан с большою виртуозностью; его надо изучить, и это нелегко дается». В письме ко мне он прибавляет: «после таких неудачных диссертаций, какие представляют сочинения Мочульского³, Яковлева⁴, Булича⁵, Шимановского⁶, приятно, наконец, свободно вздохнуть и воскликнуть «jeszcze наша nauka nie zginęła». В отзыве же, напечатанном в «Архиве», Вам несколько достается за то, что Вы слишком верите своему учителю, а известно, что проф. Fortunatov вообще склонен переносить явления новых славянских языков в их зачаточном виде в общеславянский язык.

¹ 18 мая 1894 г. Шахматов получил официальное предложение от имени Отделения русского языка и словесности за подписью А. Ф. Бычкова принять звание адъюнкта Академии. Шахматов ответил согласием. 6 октября в заседании ОРЯС Шахматов избран адъюнктом АН. 12 ноября общее собрание АН утвердило решение ОРЯС. В декабре Шахматов переехал в Петербург.

² «Archiv für slav. Philol.», Bd. 16, Hft. 1—4, 1894, стр. 284—287.

³ В. Мочульский [проф. Новороссийского университета на кафедре русского языка, историк литературы], Следы Народной Библии в славянской и в древнерусской письменности. [Докт. диссерт.], Одесса, 1893.

⁴ В. А. Яковлев, К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования «Измарагда». [Докт. диссерт., защищенная в Петерб. ун-те], Одесса, 1893.

⁵ С. К. Булич, Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке, ч. 1. [Магист. диссерт.], СПб., 1893.

⁶ В. С. Шимановский, Очерки по истории русских наречий. Черты южнорусского наречия в XVI—XVII вв., Варшава, 1893.

Понятно, что наши соображения относительно общеслав. *i*^e для Ягича не имеют ничего убедительного; он не верит в общеслав. **žŕna*, так как в южнославянских языках он находит *žena*. Построение общеслав. **žero* ему кажется крайне странным; во всяком случае, говорит он, из *ā* никак не получилось бы русск. *о* (а что именно получилось бы, он, кажется, не говорит). Впрочем, нельзя было и ждать, конечно, чтобы Ягич был на нашей стороне; он никогда не был лингвистом, а с годами у него, кажется, растет отвращение ко всякой попытке действительно научного объяснения явлений языка, по крайней мере в области фонетики. Приходится мириться с тем, что у славистов пока еще мало лингвистического интереса, хотя, впрочем, и классики в общем не лучше их в этом отношении. Я уверен, что почти всякий из славистов, кто заинтересуется Вашей книгой, придаст в ней главную цену обильному материалу, сообщаемому Вами, а в самом исследовании увидит чуть не пустую забаву, как будто все дело при исследовании языка сводится к собиранию материала и к какой-нибудь внешней группировке его. Вот почему я очень желал бы в интересах лингвистики вообще, чтобы Вы заняли такое положение, при котором имели бы возможность писать много, и в этом отношении что же может быть лучше положения члена Академии. Право, я очень и очень порадовался бы за нашу науку, если бы увидел Вас в Академии, и думаю даже, что в настоящее время там Ваша деятельность будет для науки еще более полезна, чем если бы Вы заняли кафедру в университете. Конечно, трудны будут первые шаги, но подумайте, чего Вы можете достигнуть впоследствии. Впрочем я что-то уж замечтался; так понравилась мне мысль видеть Вас академиком.

На днях я получил еще одно письмо, касающееся Вас: от Ляпунова. Этот пишет восторженно: «меня радует защита диссертации А. А. Шахматова, как торжество языкознания в России». Он очень благодарен Вам за присылку Вашей книги, и «особенно дорого» ему то, что Вы и об нем вспомнили. Не зная Вашего московского адреса, Ляпунов просит меня передать Вам его благодарность, поздравление и пожелание всего лучшего, «в особенности же пожелание не лишать университета своих лекций»¹.

Вчера я был в Восточной Комиссии: слушал сообщение Федора Евгеньевича о древнеиндийской метрике². [...]

6

А. А. Шахматов — Ф. Ф. Фортунатову

20 апреля 1894 г. Губаревка.

[...] Сейчас получил рецензию Соболевского на мою диссертацию³. Конечно, она мне не понравилась. Я ожидал более дельной критики и более подробного разбора. Думаю, что не следует отвечать. Меня очень уди-

¹ Б. М. Ляпунов, ученик Ягича, оставленный при Петербургском университете, в 1887 г. сблизился с московским кружком Фортунатова. На диссертацию Шахматова он поместил две прекрасные рецензии: в «Занисках Харьковского университета» (1894, кн. 4, стр. 1—28) и в «Живой старине» (1895, вып. 1, стр. 101—116).

² Ф. Е. Корш был председателем Восточной комиссии при Московском археологическом обществе с 1887 г. См. его работу: «Опыт ритмического объяснения древнеиндийского эпико-дидактического размера ślokaś», в кн. «Древности восточные. Труды Восточной комиссии Имп. Моск. археол. о-ва», т. II, вып. I, М., 1896, стр. 133—162.

³ Рецензия А. И. Соболевского была напечатана в ЖМНП (1894, январь, стр. 233).

вило то, что Соболевский говорит о новом *ie* (из общеслав. *e*) в малорусском языке. Я думал, что для него вполне ясно появление *o* и *e* в общеславянском языке и последующее распадение их в малорусском языке на дифтонги. Оказывается и это не ясно! Вообще мне представляется, что Соболевский мало думал, когда писал свою рецензию. Рад, что он не задел Вас, хотя очень странно выражение: «не знаю, откуда Шахматов взял эти *he*, *ho*». Во всяком случае я еще более укрепляюсь в мысли, что мне следует нынешним же летом заняться живыми говорами и сообразно с новым материалом подвергнуть свою работу переделке. [...]

7

Ф. Ф. Фортунатов — А. А. Шахматову

27 апреля 1894. Москва.

[...] каждый день мне приходится заниматься и поправкою лекций для студентов 4-го курса, и писанием вновь лекций для студентов 1-го курса, так как так называемый составитель лекций вместо курса, читанного мною в этом году, представил мне список с литографированного издания прошлого года.

[...] Рецензии Соболевского я еще не видел. Корш читал ее и говорил мне, что кое-чего не понял в ней.

В последней книжке «Мемуаров парижского лингвистического общества» начата статья Соссюра об ударении в литовском языке¹. Его отношение ко мне очень любезное, и я рад этому, так как сам очень ценю Соссюра. Как только покончу поправку лекций на даче, примусь за окончание первого отдела моей статьи для «Филологического Вестника».

На днях я получил от Бойе вместе с письмом ко мне также незапечатанное письмо к Вам². Пересылаю его Вам. [...]

8

А. А. Шахматов — Ф. Ф. Фортунатову

7 мая 1894. Губаревка.

Многоуважаемый Филипп Федорович! Благодарю Вас за Ваше письмо: меня очень обрадовало то, что Вы пишете о Соссюре. Что бы сказал Соссюр, если бы знал Вас лично, а не по одним малочисленным Вашим статьям. В сущности, напр., о литовском ударении у Вас ничего нет напечатанного. Мне неприятно, когда иностранцы путем кропотливых и глубокомысленных исследований, которые должны увековечить их научную славу, подходят к тому, к чему Вы уже давно пришли. А скоро то же будет с русскими с тою лишь разницею, что постоянно возможно будет подозрение в пользовании Вашими лекциями или словесными указаниями. Я е

¹ F. de Saussure, A propos de l'accentuation lituanienne, «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», t. 8, fasc. 5, 1893.

² Французский лингвист — Поль Бойе (P. Boyer), профессор русского языка Института живых восточных языков в Париже, приезжал в Москву в 1891 г. для слушания лекций Фортунатова. В письмах к Фортунатову и Шахматову он поздравляет их с получением Шахматовым докторской степени.

нетерпением жду Вашей статьи в «Русском Филологическом вестнике» и писал о ней Смирнову¹.

[...] О поездке в центральные губернии мало что-то думаю. Но во всяком случае постараюсь осуществить ее в июле или августе. Меня тяготят упреки по поводу моей диссертации. Я хочу представить ряд объяснений и дополнений в форме статьи о живых русских говорах. Как бы мне хотелось поговорить с Вами об общеславянских ударениях. Очень хорошо сознаю, что я позволяю себе фантазировать и увлекаться недостаточным количеством фактов. Но явления напр. сербского ударения настолько интересны и вместе с тем закономерны, что проходить мимо их равнодушно, в надежде, что когда-нибудь кто-нибудь их разъяснит, невозможно. Особенно интересны статьи Даничича, где он рассматривает ударения в глаголах, именах²[...]

9

Ф. Ф. Fortunatov — А. А. Шахматову

28 марта 1895. Москва.

[...] К нам приехал недавно из Германии лингвист Сольмсен, автор нескольких статей по латинскому и греческому языкам и дельной книги «Studien zur lateinischen Lautgeschichte»³. Сольмсен уже говорит несколько по-русски, а произношение у него очень порядочное (он бывший ученик Лескина), так что в скором времени он, конечно, будет говорить свободно. На лето Сольмсен думает ехать куда-нибудь в деревню для изучения русского языка.

Вчера я получил от Ульянова его новую книгу «Значение глагольных основ в литовско-славянском языке. II часть»⁴. Радуюсь успехам моего бывшего ученика и изумляюсь его энергии; начитанность в текстах у него замечательная. Очень, очень приятно мне и то, что между мною и моими бывшими учениками существует действительное духовное родство; думаю, что судьба меня балует в этом отношении не по моим заслугам. В последней книжке «Indogermanische Forschungen» напечатана статья Педерсена «Das indogerm. s im Slavischen»⁵. В послесловии (самая статья написана уже года два тому назад) автор упоминает и об моем взгляде на этот вопрос, но не соглашается со мною на том основании, что литовское *sz*, соответствующее славянскому *x* из *s*, известно только в положении после *i*, *u*, *r*, *k*; при этом, однако, Педерсен забывает отметить такой факт, что в литовском языке не существуют самые образования, соответствующие славянским *несох*, *береши*, а его мнение относительно того, что *несох*, *береши* получили *x* под влиянием других образований (*береши* будто бы под влиянием, напр., *велиши*), не представляется мне сколько-нибудь правдо-

¹ Речь, по-видимому, идет о статье «Об ударении и долготе в балтийских языках», опубликованной в РФВ (т. XXXIII, № 1—2, 1895, стр. 252—297). Статья была переведена на немецкий язык Ф. Сольмсеном.

² Исследования Ю. Даничича о сербском ударении печатались в «Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti»: «Akcenti u glagola»—«Rad...», knj. VI, Zagreb, 1869; «Akcenti u adjektiva»—«Rad...», knj. XIV, 1871.

³ F. S o l m s e n, Studien zur lateinischen Lautgeschichte, Strassburg, 1894. См. о ней рецензию М. М. Покровского в журнале «Филологическое обозрение» (т. VI, кн. 7, 1894).

⁴ Первая часть книги Г. К. Ульянова — «Основы, обозначающие различия по залогам» (Варшава, 1891) — была его докторской диссертацией; вторая часть — «Основы, обозначающие различия по видам» (Варшава, 1895).

⁵ «Indogerm. Forsch.», Bd. V, Hf. 1, 1895.

подобным. Вообще статья Педерсена на мой взгляд дает очень мало, а некоторые его соображения уж слишком невероятны; напр. относительно литовск. *s* будто бы из *š* в таких случаях, как *ausis* «ухо», винит. *aĩsi*, вследствие положения «nach schleifenden Ton», или напр. относительно происхождения русск. *дешевый*, которое он считает родственным с древнеперсидск. *dahyu* «страна», авест. *dahhu* (из * *dasiu*), причем выводит такое заключение: «die Landesproducte sind mit dem Adjectiv **desiowo* — bezeichnet worden, das dann nachher die Bedeutung, „wohlfeil“ angenommen hat»¹.

То дело о Смирнове, о котором Вам, кажется, писал Ульянов, не может устроиться²: члены факультета (напр. Соколов, Стороженко и, повидимому, Миллер) требуют прежде всего печатных трудов. Даже и Корш находит невозможным дать Смирнову докторство. Я думал бы, что относительно Смирнова следует принять во внимание его чрезвычайно полезную деятельность в качестве редактора филологического журнала, а также и то обстоятельство, что Смирнов уже давно занимает кафедру и теперь оканчивает службу, но в этом вопросе я не могу влиять сколько-нибудь на других членов факультета. Не можете ли Вы посоветовать Смирнову не обращать внимания на глупые придирки ректора; ведь место свое он занимает с полным правом, так как не мало потрудился уже в качестве преподавателя. [...]

10

А. А. Шахматов — Ф. Ф. Fortunatowu

27 июля 1895. Губаревка.

Многоуважаемый Филипп Федорович! Только что вернулся в деревню после почти двухмесячных странствований по Калужской губернии³. Там я не нашел свободной минуты, чтобы написать Вам: такие были неудобные условия. Но путешествием своим я очень доволен. Никак не ожидал возможности извлечь такое множество интересных фактов языка. Главный интерес составляет ряд наблюдений, доказывающих, что многие явления, которые мы признавали специально белорусскими, характеризуют и южновеликорусские говоры. Так, —*ый* вместо *ой* под ударением, равно формы *рыю*, *мыю* и т. п. я слышал даже в восточной части Калужской губернии. Около Жиздры, также в восточной части губернии, постоянно слышится *жит'тё*, *ббл'лэ*, *суд'дя* и т. д. Я был поражен подобным результатом исследования в особенности потому, что он в значительной степени подтверждает мои сомнения о первобытности или самостоятельности белорусского наречия. Но я был совсем удивлен и до сих пор не разобрался в явившихся вследствие этого мыслях и предположениях, когда я на юго-востоке губернии, на границах с Брянским уездом Орловской губернии услышал акающий говор со всеми характерными особенностями других соседних говоров и вместе с тем с звуками *e* и *i*, не смягчающими предшествующей согласной: явление сходное с малорусским, но не тождественное уже пото-

¹ Продукты земли обозначались прилагательным **desiowo*, что впоследствии приобрело значение «дешево».

² Имеются в виду хлопоты некоторых профессоров Варшавского университета о присвоении Московским университетом докторской степени *honoris causa* магистру А. И. Смирнову, занимавшему место ординарного профессора.

³ В июне—июле 1895 г. Шахматов посетил около 70 пунктов Мещовского, Мосальского и Жиздринского уездов. Он сделал много диалектологических записей, в том числе записал свыше 400 народных песен. Собранный материал обработан в статье «Звуковые особенности Ельнинских и Мосальских говоров» (РФВ: т. XXXVI, № 3—4, 1896, стр. 60—99 и т. XXXVIII, № 3—4, 1897, стр. 172—209).

му, что *je* также изменилось в *e(э)*: *эсть, эсли* и параллельно с этим *ji* (*ju*) перешло в *y*: *знау* (с особенным *y*, которое Вы в Вашем общем курсе обозначаете кажется буквою *y*). Кроме того *y* весьма резко отличается от *i*.

Я много ходил пешком: это единственный способ, при котором можно было сохранить инкогнито, а инкогнито было для меня необходимо, в особенности в первую половину путешествия, когда у меня было совсем мало денег и я не мог придать смысла своему пребыванию среди крестьян — собираньем песен и записыванием их за деньги. Хотя я Вам не писал, но все время мысленно был с Вами и как будто советовался, как понять или исследовать то или другое явление. В результате я ужасно устал: приехал в деревню вчера и, что со мной бывает редко, до сих пор не могу взяться ни за какое занятие. Я Вам напишу на днях подробнее о своей поездке [...].

[...] . Чувствую, что теперь буду постоянно ездить по России: это моя задача и обязанность в особенности, когда видишь, как гибнут особенности русских говоров.

С совершенным уважением остаюсь Ваш А. Шахматов.

11

Ф. Ф. Фортунатов — А. А. Шахматову

7 декабря 1895. Москва.

Дорогой Алексей Александрович! Очень обрадовали Вы меня известием о том, что Ломоносовская премия присуждена Ульянову. Я уже начинал сильно опасаться, как бы не предпочли Флоринского, тем более что книга Флоринского напр. для Бычкова, конечно, гораздо понятнее сочинения Ульянова¹. Поэтому, между прочим, я не спешил доставить Бычкову вторую часть моего разбора, так как напр. из моих возражений Ульянову по поводу совершенного вида Бычков мог бы открыть новый недостаток в сочинении Ульянова; я рад, что эта вторая часть не потребовалась для постановления решения относительно премии и что поэтому я могу не слишком спешить. Во всяком случае на будущей неделе я надеюсь отослать ее; она уже почти вся переписана, но некоторые места я опять переделал и снова переписываю. В том моем письме к Вам, которое пропало, я писал, что нахожу для самого себя очень полезным внимательное изучение книги Ульянова, хотя, конечно, неприятна была для меня срочность работы (на последней главе второй части я уже не имел времени подробно остановиться и говорить об ней только несколько слов); я понял теперь лучше некоторые факты в балтийском и славянском глаголе, между прочим и те явления, о которых мы с Вами говорили в Листьянах (почему напр. при *пошить* нет *пошивать* или почему напр. между *лететь* и *летать* существует различие в значении направления движения). Надеюсь, что разбор будет напечатан впоследствии, так как писал я его, конечно, не для Бычкова². Очень страшным кажется мне то, что

¹ В Отделение на Ломоносовскую премию в 1000 р. были представлены две работы: Г. К. Ульянова «Значение глагольных основ в литовско-славянском языке» и Т. Д. Флоринского «Лекции по славянскому языкознанию», отзыв о которой писал Р. Ф. Брандт. См. также рецензию Шахматова на этот труд в ЖМНП (1895, апрель, стр. 455—459). Книга Флоринского была перенесена на конкурс и награждена половиной Ломоносовской премией в 1897 г.

² «Разбор сочинения Г. К. Ульянова...» Ф. Ф. Фортунатова напечатан в «Отчете о присуждении Ломоносовской премии в 1895 г.» (Сб. ОРЯС, т. LXIV, №11, 1897, 158 стр.).

Отделение не поручило именно Вам составить доклад о сочинении Ульянова. В последнее время я так ушел в вопросы о значениях глагольных основ, что и до сих пор не подумал, как следует, по поводу предложенных мне Вами фонетических вопросов. Когда Вы приедете в Москву, мы поговорим с Вами, но приезжайте поскорее, не откладывая до января; зачем Вам сидеть в Петербурге на праздниках?

Не очень давно я познакомился с молодым немецким ученым Бернекером, автором полезной книги «Die preussische Sprache»¹; я, кажется, писал Вам об нем, но, может быть, в том письме, которое пропало. У Бернекера очень большое желание учиться, и мы много говорили с ним; он в восторге от Ваших лекций по русской фонетике и очень обрадовался, когда я ему сообщил, что Вы скоро приедете в Москву.

Сегодня я получил письма от Бычкова с извещением о том, что я избран в члены-корреспонденты; надо будет, кажется, писать благодарственное письмо. Вместе с тем Бычков выражает мне от имени Отделения живейшую благодарность за мой обстоятельный разбор сочинения Ульянова, но ни слова не упоминает о той части разбора, которой я еще не доставил. Повидимому, он думает, что получил уже от меня весь разбор (это показывает, как внимательно он читал его), и я боюсь, что он будет неприятно изумлен, когда получит окончание разбора. Впрочем, для общей оценки сочинения Ульянова эта часть моего разбора вовсе не требуется; на те пункты во второй книге Ульянова, которые я признаю особенно важными, я уже указал в общем заключении, доставленном мною Бычкову вместе с первой частью разбора. Или может быть лучше будет не посылать окончания моего разбора до того времени, когда будет уже объявлено присуждение премии? Сообщите мне Ваше мнение по этому поводу. [...]

Ф. Ф. Фортунатов — А. А. Шахматову

3 октября 1900. Москва.

Дорогой Алексей Александрович! Очень обрадовали Вы меня известием, что мне нет надобности спешить с подачею в Отделение подробного разбора книги Щепкина². Продолжаю писать этот разбор и пока дошел до отдела о гласных *z* и *ь* в конце слов. Затем придется сказать кое-что по поводу «*l* erentheticum» (у Щепкина история этого *l* представлена как раз навыворот) и в особенности относительно *ь*. Я, как Вам известно, давно уже схожусь или почти схожусь с Вами во взгляде на букву *ь* вместо *a* после смягченных согласных; по-моему, это *ь* = *ʒa* и свидетельствует о произношении старого, этимологического *ь* как *ʒa* в части старославянских говоров. Для пояснения употребления буквы *ь* вместо *a* после смягченных согласных я привожу наблюдения (совершенно верное) Бругмана над произношением в литовских говорах группы «смягченная согласная + *a*»; напр., *medis* слышится, по определению Бругмана, как *m^eadis* (где *á* обозначает гласность очень близкую к *a* или даже совпадающую с *a*), т. е. с неслоговым иррациональным *e*, притом закрытым, в положении именно перед открытою гласною. Говоря о гласных *z* и *ь*, я вновь разъясняю мой

¹ E. B e r n e k e r, Die preussische Sprache. Texte, Grammatik, etymologisches Wörterbuch, Strassburg, 1896.

² В. Н. Щ е п к и н, Рассуждение о языке Саввиной книги, СПб., 1899. Книга была представлена на премию в ОРЯС. Отзыв Ф. Ф. Фортунатова напечатан в «Отчете о присуждении премий имени графа Д. А. Толстого [в 1900-м году]» (Сб. ОРЯС, т. LXIX, 1901). Щепкин получил золотую медаль.

термин «иррациональные» гласные и указываю на то, что у Сиверса ему соответствует теперь термин «überkurz»; прежде Сиверс ошибочно отождествлял такого рода звуки с звуками редуцированными, между тем как в действительности это не одно и то же: не всякая иррациональная гласная является непременно редуцированной, хотя всякая редуцированная гласная принадлежит к звукам иррациональным, «überkurz». При изучении в книге Щепкина списка (впрочем, неполного) тех случаев, в которых *ъ* и *ь* между согласными в Саввиной книге частью пропускаются, частью пишутся, я заметил (еще тогда, когда приготовлял возражения для диспута), что такие случаи, как *мьнит*, *чьтет* и т. д., всегда без пропуска иррациональной гласной в Саввиной книге (при *миб*, *многь*, *что*), дают ясное указание на присутствие ударенья на иррациональной гласной, т. е. на сохранение в старославянском языке общеславянского места ударения в таких образованиях (ссылаюсь, понятно, и на Вас). До сих пор, кажется, не были извлекаемы из старославянских текстов какие-либо указания на место ударения в словах; понятно, что надстрочные знаки *и* в Киевских отрывках — нотные, такие же, какие при некоторых других знаках мы находим и в Новгородских листках.

Очень позабавил меня гнев Вондрака на меня, выраженный в первых строках его рецензии на книгу Щепкина¹. С другой стороны, неприятное впечатление произвел на меня отзыв Лескина о мнении Щепкина по поводу Киевских листков²; Ягичу позволительно фантазировать в области подобного рода вопросов, но от Лескина я не ждал бы такой наивности в вопросе лингвистики.

На прошлой неделе я получил письмо от Ягича и сегодня послал ему ответ. Еще в январе или в феврале он просил меня написать для «Архива» статью по поводу книги Гирта «Der indogermanische Ablaut»³. Я отвечал ему тогда, что готов исполнить его желание (хотя критика теории Гирта и изложение моей теории относительно некоторых фактов общесиндоевропейского языка казались мне не вполне подходящими к программе «Архива»), но прибавил, что не находил бы желательными примечания редактора к моей статье, если мои мнения не покажутся ему убедительными. На это письмо я не получил ответа, но теперь Ягич пишет, что ждет от меня разбора книги Гирта и прибавляет: «Не только я сам писал Вам, что, конечно, отзыв Ваш будет напечатан в полном объеме (а о редакторских примечаниях ни слова!), но и через Шахматова я обращался вторично с просьбою не отказать мне в участии в журнале» и т. д. Кажется мне, что Ягич что-то пугает; во всяком случае то его письмо, на которое он ссылается, не дошло до меня, да и Вы ничего не писали мне о просьбе Ягича. [...].

Поржезинский недавно послал в Отделение свой отчет. Очень хорошо было бы дать ему пособие, но предложение об этом пособии не лучше ли было бы внести не мне одному, но с Вами вместе, именно потому, что я лично слишком заинтересован в судьбе Поржезинского. Надо ли внести это предложение теперь же? Поржезинский может приступить к разработке материала только тогда, когда окончит печатание своей магистерской диссертации; и то у него слишком уже затянулось это дело.

Ф. Е. Корша я не видел с весны. Сам я этой осенью нигде еще не был, а он навещает меня вообще только в то время года, когда бывают мои четверги, которые пока еще не начинались.

¹ См. «Archiv für slav. Philol.», Bd. 22, Hf. 1—2, 1900.

² Выдержка из письма Лескина к Ягичу приведена в статье последнего о Киевских листках (см. там же).

³ H. Hirt, Der indogermanische Ablaut, vornehmlich in seinen Verhältnis zur Betonung, Strassburg, 1900.

А. А. Шахматов — Ф. Ф. Fortunatovu

15 января 1901. Петербург.

Многоуважаемый Филипп Федорович! Только что вернулся в Петербург¹. Из Архангельской губернии мне так и не удалось Вам написать. Когда жил в самом городе, каждый вечер был занят списыванием одной важной рукописи, которая нашлась в Архангельском древлехранилище, а в уезде я к вечеру очень уставал, да и условия моих ночлегов не позволяли и думать о письменных работах. Все время проводил в крестьянских избах, навещая впрочем и священников для осмотра церковных архивов. В них оказывается много важного материала для истории края. В одной церкви я нашел 210 грамот XVI века, совершенно неизвестных и любопытных в особенности потому, что все они относятся к жизни одного прихода. Страшно подумать, что даже этим остаткам от прежних обширных собраний, погибших по большей части в огне, суждено пропасть по небрежению весьма невежественных священников, если не будут приняты какие-нибудь совершенно исключительные меры для изъятия этих сокровищ из церквей. Священники считают подобные документы ненужным хламом. В Курострове, на родине Ломоносова, священник подарил мне около 40 грамот XVI и XVII в.: разумеется, передам их в Академию. [...]

Для своей прямой цели я нашел не так много материала, как бы хотел: все, что восходит к XV веку и старше, как-то исчезло, расхищено. Но много пришлось сделать наблюдений по языку. Особенно меня поразило очень упорное произношение *g* (не *h*) в окончании родительного падежа местоименного склонения (*того, тёплого*). Странно, что *и* вместо *ѣ* почти не известно, в противоположность Вологде, где был проездом и успел послушать говор рыночных торговков. [...]

Получили ли Вы статью Gautiot «Étude sur les intonations serbes»², где много говорится о Вас? С нетерпением жду присылки обещанных Вами статей. [...]

¹ 16 ноября 1900 г. Шахматов был избран в члены Археографической комиссии. С 25 декабря 1900 г. по 7 января 1901 г. ездил по Архангельской губернии с целью собрания грамот. По возвращении сделал в Археографической комиссии доклад (23 января) о собрании актов Лодомского прихода Архангельского уезда.

² См. «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», t. XI, fasc. 5, 1900.